

само небо, поскольку оно (зло) примешивается ко всему, созданному Промыслом, как зараза низшей природы» (fr. 11). Даже планетарные боги смешивают свои силы и действия с материей, хотя сущность их остается чистой.

Несколько особняком в этой линии стоит Филон Александрийский: «В каждую душу при его рождении помещаются две силы, одна позитивная, а другая — деструктивная. Если позитивная побеждает и доминирует, ей противоположная слаба и почти незаметна. Но если эта последняя и набирается сил, немного остается на долю первой. Эти силы участвовали и в создании мира. Люди дают им различные имена, одну называя сильной и благой, а противоположную ей — беспредельной и деструктивной» (QE I 24).

А. В. Хазина*

СФЕРА АФФЕКТИВНОГО
У ПОСИДОНИЯ АПАМЕЙСКОГО:
МЕСТО ВСТРЕЧИ ПЛАТОНОВСКОЙ
И АРИСТОТЕЛЕВСКОЙ ТРАДИЦИИ

«О, Страсть, чего ты хочешь? Говори.
Хочу я, Разум, делать все, что я хочу...
Желанье царское... Еще раз повтори.
Чего б я не желала — пусть случится»

(Galen. De Hipp. et Plat. plac. V 6 p. 332, 22
De Lacy = fr. 166 Edelstein Kidd).

Этот небольшой поэтический отрывок из Клеанфа послужил Посидонию образным выражением и мета-

---

* *Хазина Анна Васильевна* — канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Нижегородского педагогического университета, Нижний Новгород, vbh64@online.ru

физическим обоснованием его собственного мнения о самостоятельности страстного начала души (наравне с рассудочным)¹ и был использован им для критики монистической психологии Хрисишпа, в которой страсти определялись как дисфункция рационального начала (Galen. De Hipp. et Plat. plac. IV 3 p. 246, 38; V 1 p. 292, 4, 18 De Lasy).

Не вдаваясь в подробности обсуждения тенденциозности Посидониевой интерпретации Клеанфа, отметим, что Посидоний, без сомнения, стремился пересмотреть раннестойческое учение о страстях как алогическом движении логоса, отразившее принципиальные позиции школьного монизма стоиков. Возможно, у Посидония было намерение прояснить трудности определения статуса иррационального начала и сферы его пребывания в человеческой душе. С этими трудностями сталкивались не только ранние стоики, но уже Сократ, Платон, Аристотель, у которых они стали специальной темой философской рефлексии.

И хотя в сфере собственных философских интересов Посидония и его предшественников проблема аффектов была далеко не центральной, в данном случае можно констатировать, что критика Апамейца чересчур рассудочной и ригористической позиции стоиков в вопросе о страстях во многом определила неоднозначность оценок в исследовательской литературе философских взглядов самого Посидония.

В начале XX в. ученые единодушно воспринимали неортодоксальный стоицизм Посидония как важнейшее связующее звено между древним и поздним платонизмом². После работ Людвиг Эдельштейна³ появились более осторожные оценки концепции Посидония, в которой большинство философов были склонны

видеть возврат к дуалистической психологии платоновского типа⁴. Другие, напротив, акцентировали внимание на преобладании в доктрине Посидония элементов перипатетизма либо предлагали трактовать ее как «буферную» схему, сочетающую в себе все три элемента: платонический, перипатетический и стоический⁵. Такая историографическая ситуация во многом отражает мнения античных авторов о философии Посидония, которого современники и последователи называли «стоическим Аристотелем» и «стоическим Платоном» (Т. 91, 100 E–K).

Как известно, сложность изучения философского наследия Посидония для современных исследователей обусловлена тем, что его тексты дошли до нас лишь в отрывках, да еще так сказать «во вторичной передаче» более поздних авторов. Кроме того, сама аутентичность некоторых сочинений Посидония остается труднодоказуемой. Ситуация для отечественных ученых осложняется еще и тем, что наследие этого греко-сирийского мыслителя, «самого универсального представителя Стои», практически не было предметом отдельного исследования. Творчеству Посидония посвящены лишь небольшие разделы и главы в трудах Ф. Ф. Зелинского, А. Ф. Лосева и А. А. Столярова. В то же время фрагменты Посидония и свидетельства о нем приводятся в трех современных фундаментальных изданиях: Эдельштейна–Кидда (1972), Тайлера (1982) и Лонга–Седли (1987). При этом полный корпус переводов Посидония на русский язык не только не издан, но пока и не осуществлен.

Самую исчерпывающую информацию об исследовании Посидонием природы аффектов содержит трактат Галена «О мнениях Гиппократов и Платона», в котором

приводятся многочисленные эксерпты из работы Посидония «Περὶ πάθων». Как показывают отрывки, приводимые Галеном, а также другие источники, сфера аффективного в философии Посидония является неотъемлемой частью его изучения души. Примечательно, что аффективное исследуется не только в разделе психологии и антропологии, но и проходит по ведомству физики, что в целом характерно для античной традиции. Более того, Посидоний настаивал, что изучение этики во многом зависит от тщательного изучения аффектов и способностей души (Galen. De Hipp. et Plat. plac. IV p. 396. 15–397, 8; V p. 451, 6–13 Muller = fr. 150 ab E–K). Таким образом, возникал обоснованный переход от физики к этике.

Да и исторические отрывки Посидония показывают, что он не столько интересовался хронологической последовательностью событий, сколько с помощью исторического повествования иллюстрировал собственные философско-этические представления. Признание самостоятельности аффективного начала в человеческой душе в историческом исследовании приводило к пониманию Посидонием внутренних причин человеческих поступков и исторических событий. И в то же время, согласно Галену, Посидоний в свои рассуждения о страстях включает «поэтические речения и истории из прошлых деяний, которые должны подтвердить говоримое им» (Galen. De Hipp. et Plat. plac. IV p. 372. 12–13 M = T. 104 E–K).

Обосновывая свою концепцию, Посидоний использует следующий метод: опровергает положения ранних стоиков — Хрисиппа, Зенона и рассуждает о способностях души и причинах страстей. Настаивая на выявлении оснований и причин аффектов, он фактически ру-

ководствуется этиологическим принципом Аристотеля (Strab. II. 3. 8. = Т. 85; fr. 93 а Е–К).

Следуя традиционной логике Платона и Аристотеля, Апамеец пытается определить так сказать место пребывания аффективного в душе. При этом именно здесь терминология Посидония демонстрирует зависимость от терминологии Аристотеля. В отличие от Платона, вычленившего три части души, Посидоний предпочитает говорить о трех «силах», способностях души (вожделеющей, волевой и разумной), в то время как душа сама по себе едина, и помещается, как у стоиков и Аристотеля, в человеческом сердце (fr. 142, 143, 146, 157 Е–К).

Далее Посидоний, в свою очередь, объединяет в алогическую способность души вожделеющую силу и силу пылку, движения которых, собственно, и порождают страсти (аффекты) – (Galen. De Hipp. et Plat. plac. IV p. 348, 5–350, 13 М = fr. 152 Е–К).

Критикуя стоическую доктрину, рассматривавшую аффекты как «нарушение, ошибку логоса», Посидоний выдвигает принципиальное возражение: разум не может быть источником аффектов, поскольку не может выйти за пределы своей меры (Galen. De Hipp. et Plat. plac. IV p. 348. 5–350 М = fr. 34 Е–К). С точки зрения Апамейца, страсти восходят к неразумным способностям души. Занимая подобную позицию, Посидоний рассуждал о страстях как о вполне естественном начале, которое, по его мнению, присуще и человеку, и животному. Здесь мысль Посидония также развивается в русле представлений Аристотеля и отклоняется от концепции Платона, который помещал аффективное в «низшую часть души» и рассматривал аффекты как некое «падение ума» или следствие злокозненного вторжения материального в логос.

В сфере этики это приводило Апамейца к постановке проблемы воспитания страстей и управления ими с помощью разумных сил. Вслед за Платоном, Посидоний настаивал на том, что именно к 14 годам душа должна быть подготовлена к восприятию разумного и логического начал. Он, таким образом, подтверждал платоновское убеждение в том, что добродетель воспитуема (fr. 2, 31, 32 E–K).

Примечательно, что и Платон, и Аристотель, и Посидоний настаивают на том, что страстное начало нуждается в воспитании и управлении разумом. Однако для Платона аффективное должно быть, в конечном итоге, изжито, поскольку источник аффектов находится вне человеческой души, в материи. А Посидоний, вслед за Аристотелем, утверждает, что есть положительные иррациональные аффекты, которые в соединении с разумом постигают все высшие формы знания и даже вдохновение. Для Аристотеля и Посидония искоренение аффектов не только невозможно, но и не нужно. Аффекты должны быть управляемы и ограничены принципом меры (Galen. *De Hipp. et Plat. plac.* V p. 444. 11–448; VIII p. 653. 14–165 M).

С одной стороны, доступные сегодня тексты фрагментов Посидония демонстрируют по большей части платоновскую постановку проблем аффективного, а с другой, — анализ и решения, предлагаемые Апамейцем, свидетельствуют о сильнейшем влиянии Аристотеля, развившем идеи своего учителя и предложившем ряд новых подходов. Проблемы, исследованные Посидонием (даже в объеме дошедших до нас текстов), оказались настолько глубокими и востребованными, что обращение к ним стало естественным для наиболее взыскующих умов средневековья и Нового времени в дальнейшем.

Таким образом, сфера аффективного у Посидония — это не только синтез, «место встречи» платоновской и аристотелевской традиций, но и место встречи грядущей европейской философии со своими античными предшественниками.

---

¹ Посидоний комментирует эти стихи Клеанфа, как ясно указывающие «на его доктрину страстного начала души, поскольку он представил Разум и Страсть в беседе как две совершенно различные вещи» (Galen. V 6 p. 332, 22 De Lacy = fr. 166 E-K.). Эту интерпретацию вряд ли можно принять за аутентичное мнение Клеанфа. Против Посидония свидетельствуют фрагменты, приписывающие всем представителям ранней Стои отрицание самостоятельности страстей по отношению к Разуму и человеческой душе (SVF. II. 826, 831).

² *Jeger W.* Nemesios von Emesa. Quellenforschungen zum Neuplatonismus und seinen Anfängen bei Poseidonios. Berlin, 1914. S. 438–442; *Reinhardt K.* Poseidonios // *Paulys Realencyclopädie. Class. Altertums-Wissensch.* 43. Halbt. Coll. 558–826. 1953.

³ *Edelstein L.* The Philosophical System of Posidonius // *American Journal of Philosophy.* Vol. 57. 1936. P. 286 ff.

⁴ *Long A. A.* Hellenistic philosophy. Stoics, epicureans, skeptics. New York, 1974. P. 216–222; *Kidd I. G.* Posidonius. Vol. 2. The Commentary. Cambridge, 1988. P. 863–887; *Диллон Дж.* Средние платоники. 80 г. до н.э. — 220 г. н.э. СПб., 2002. С. 111–112.

⁵ *Hadot I.* Arts liberaux et philosophie dans la pensee antique. Paris, 1984. P. 42–44; *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 2000. С. 834; *Столяров А. А.* Свобода воли как проблема европейского морального сознания. М., 1999. С. 68; *Шичалин Ю. А.* История античного платонизма. М., 2000. С. 221–222.